

Трансформация институциональной структуры регионов Поволжья в 1917 году: движущие силы и этапы процесса

Danilov, Viktor N.; Kabytova, Nadezhda N.

Veröffentlichungsversion / Published Version

Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Danilov, V. N., & Kabytova, N. N. (2017). Трансформация институциональной структуры регионов Поволжья в 1917 году: движущие силы и этапы процесса. *Science Journal of Volgograd State University: History - Area Studies - International Relations*, 22(6), 46-57. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.5>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer CC BY Lizenz (Namensnennung) zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den CC-Lizenzen finden Sie hier:

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.de>

Terms of use:

This document is made available under a CC BY Licence (Attribution). For more information see:

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.5>

UDC 94(47)084.2
LBC 63.3(2)6

Submitted: 25.03.2017
Accepted: 20.10.2017

TRANSFORMATION OF INSTITUTIONAL STRUCTURE IN THE VOLGA REGION IN 1917: DRIVERS AND STAGES OF THE PROCESS ¹

Viktor N. Danilov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Nadezhda N. Kabytova

Samara State University, Samara, Russian Federation

Abstract. The peculiarity of interconnection and interdependence of the power's and society's actions in Russian regions as a complex of emerged circumstances caused by the revolution has become the subject of special consideration in historiography of our country quite recently. Raising this problem has given the opportunity to study the social and psychological aspects of the revolution the result of which is the acceptance of the conflict between modernization of authoritative and intellectual elite and traditionalism and discrepancy of social reflection and people's archaic character in the course of the revolutionary process in provinces in 1917.

On the basis of the Volga region materials it is shown how in the conditions of the 1917 system crisis, transformation of the institutional structure of the Russian statehood took place. Interconnection of the formation and functioning of authoritative bodies and revolutionary actions of the majority of society is determined. Institutional changes sequentially passed some stages from democracy through ochlocracy to dictatorship, thus highlighting a syncretic model of the social order. The authoritative system that had emerged after the February – March revolution did not turn out to conform to an accepted view of the majority of society and caused a powerful opposite wave which brought the country to national disaster. All attempts of liberal and moderate revolutionary forces to introduce democratic principles of social order characteristic of western countries failed especially in provinces where traditional bases were stronger. To overcome revolutionary crisis the Bolsheviks managed to use councils (soviets) which were even less able to carry out the functions of state governance but which demonstrated a form of democracy. Later all local initiative associations were gradually eliminated, and the Soviet system of power was unified in order to build the state of "proletarian dictatorship".

Key words: revolution, 1917, the Volga region, power, self-government, system crisis.

Citation. Danilov V.N., Kabytova N.N. Transformation of Institutional Structure in the Volga Region in 1917: Drivers and Stages of the Process. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 6, pp. 46-57. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.5>

УДК 94(47)084.2
ББК 63.3(2)6

Дата поступления статьи: 25.03.2017
Дата принятия статьи: 20.10.2017

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ ПОВОЛЖЬЯ В 1917 ГОДУ: ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ЭТАПЫ ПРОЦЕССА ¹

Виктор Николаевич Данилов

Саратовский государственный университет, г. Саратов, Российская Федерация

Надежда Николаевна Кабытова

Самарский государственный университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. В статье, основываясь на материалах регионов Поволжья, показано, как в условиях системного кризиса 1917 г. происходила трансформация институциональной структуры российской государственности, устанавливается взаимосвязь процесса конструирования и функционирования властных органов и революционных действий большинства социума. Делается вывод о том, что создаваемая после Февраля 1917 г. властная система не соответствовала архаичным потребностям основной части общества, и все попытки внедрить вестернизированные демократические принципы социально-политического устройства оказались неэффективными главным образом в провинции, где традиционные устои были крепче. В то же время большевикам для выхода из кризиса удалось приспособить Советы, демонстрировавшие образ прямого народовластия, но мало пригодные по своей природе для осуществления функций государственного управления.

Общий замысел статьи и аналитическая обработка материала были осуществлены В.Н. Даниловым. Н.Н. Кабытовой были представлены фактические данные и сформулированы концептуальные положения по отдельным сторонам трансформации институциональной структуры регионов Поволжья в 1917 году.

Ключевые слова: революция, 1917 г., Поволжье, власть, самоуправление, системный кризис.

Цитирование. Данилов В. Н., Кабытова Н. Н. Трансформация институциональной структуры регионов Поволжья в 1917 году: движущие силы и этапы процесса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 6. – С. 46–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.5>

Специфика взаимосвязи и взаимозависимости действий власти и общества в российских регионах как комплекса сложившихся обстоятельств, порожденных революцией, стала предметом специального рассмотрения сравнительно недавно. На расширение проблематики исследований в этом направлении повлияло все более широкое бытование тезиса о том, что «революция начинается в столице, а делается в провинции». Выявление принципов функционирования властных структур и российского социума в региональном измерении определило возможность изучения социопсихологических аспектов революции, результатом которого стало обозначение конфликта модернизаторства властной и интеллектуальной элиты с традиционализмом, несоответствие общественной рефлексии и народной архаики в ходе революционного процесса на местах в 1917 году.

Формирование новых структур власти в регионах после падения самодержавия

Массовое правотворчество, которое возникло при формировании новых органов власти в российской провинции после падения самодержавия, свидетельствует о том, что февральско-мартовский переворот 1917 г. на местах не был «телеграфно-телефонной» революцией, то есть сменой власти по приказу из центра, как это иногда утверждается. Само же содержание процесса упразднения струк-

тур царской администрации и конструирования новых институций в губерниях и уездах распадавшейся империи зависело от особенностей расстановки здесь политических сил, что определялось, в свою очередь, своеобразием экономических, социальных, культурно-национальных отношений в каждом регионе огромной страны.

Как в центре, так и на местах в реформировании власти участвовали различные по политической ориентации и социальному составу силы, которым между собой было сложно прийти к согласию по значительному кругу насущных вопросов. В ходе этого процесса наряду с уже сложившимися общественно-политическими структурами, представленными политическими партиями и союзами, органами самоуправления, корпоративными, профессиональными организациями, в ходе революции возникли новые органы – Советы, комитеты, новые партии и общественные объединения. Одновременно центр стремился унифицировать формы конструируемой власти, создать четкую систему подчиненности и взаимодействия ее элементов, но практический результат часто не соответствовал заявленным целям и ожиданиям.

В губернских центрах наибольшую активность проявили городские общественные управления, которые инициировали включение во властные органы на местах легальные при прежнем режиме силы, демонстрировавшие оппозиционность. Именно на совещаниях глас-

ных городских дум губернских городов, где оглашалась известная телеграмма М.В. Родзянко о «взятии восстановления государственного и общественного порядка в руки Временного Комитета Государственной Думы», учреждались временные общественные комитеты, носившие разные названия: чрезвычайные, общественной безопасности, народной власти и др., – которым поручалась выработка срочных мер по стабилизации ситуации на местах. Везде эти комитеты были открыты для пополнения представителями других общественных организаций и в условиях революции могли функционировать, лишь опираясь на инициативу и поддержку народных масс. В своих взаимоотношениях с государственной властью общественные комитеты были нацелены на достижение единых конечных результатов и должны были отражать общность принципов построения и функционирования. Но, как показал дальнейший ход событий, центр с самого начала встал на путь отстранения местных общественных объединения от создания новой администрации, что закладывало на низовом уровне основу будущих коллизий между властью и обществом, опасную в условиях социальной нестабильности.

В разных губерниях Поволжья степень инициативы и оперативности в конструировании новой власти была далеко не одинаковой, но везде мы видим отсутствие своеобразного двоевластия, характерного для Петрограда. В Самаре, Саратове и Казани общественные комитеты с самого начала проявили стремление к объединению всех демократических сил, что позволило им увеличить свою социальную базу и направить революционную активность масс. Хотя, скажем, в Саратове сначала образовался Совет рабочих депутатов, но это только ускорило формирование Общественного городского исполнительного комитета и привело к сотрудничеству двух органов. В Самаре более оперативно действовали либеральные общественные силы, которые и создали Комитет общественной безопасности. Включение в его состав представителей местного Совета рабочих и солдатских депутатов позволило ему объявить себя Комитетом народной власти. В Казани инициатива общественных сил несколько сдерживалась опасением подавления революционных действий со стороны консер-

вативно настроенного офицерского корпуса штаба военного округа. Тем не менее и здесь Комитет общественной безопасности смог на время объединить разнородный состав революционных сил. В целом для общественных сил этих губерний была характерна пропаганда беспартийной революционности, что и обеспечило их консолидацию при ликвидации прежней администрации и создании структур демократической власти.

В Пензе и Симбирске, напротив, либеральные круги в силу своей малочисленности и безынициативности решились на образование общественных органов для институционализации новой власти лишь после соответствующих предписаний центра. При этом общественные исполнительные комитеты в данных губернских городах поначалу противились включению в свой состав представителей революционных сил и, провозглашая себя «защитниками нового строя», дальше демократических деклараций не шли, а стремились «приспособить старые общественные и продовольственные учреждения задачам нового времени» [15, с. 42]. Процесс создания Советов здесь затянулся до середины марта 1917 года. К тому же только вхождение их депутатов в общественные комитеты давало Советам возможность выхода на губернский уровень контроля за властью.

В обстановке, когда различные политические и общественные силы проявляли небывалую активность, Временному правительству крайне важно было упрочить свои позиции в провинции с помощью формирования вертикали власти. Поэтому телеграмма Львова от 6 марта 1917 г. о возложении обязанностей комиссаров Временного правительства на председателей земских управ должна была создать представление о легитимности передачи на местах властных полномочий представителям народа, имеющим управленческий опыт, но решала она сугубо политические задачи.

То, как утверждались в марте 1917 г. кандидатуры на посты губернских комиссаров, позволяет нам предположить, что выбор тех или иных лиц для осуществления управленческих функций на местах из числа земских лидеров происходил на основании какой-то предварительной тайной договоренности. Мы видим, что наиболее активные общественные органы в

провинции, а может быть и более посвященные, определились с губернскими комиссарами еще до распоряжений из центра. Так, в Самаре еще 4 марта 1917 г. на эту должность Комитет народной власти назначил председателя губернской земской управы кадета К.Н. Инькова [30, л. 4]. И данная кандидатура была утверждена Временным правительством, несмотря на то, что особой популярностью он не пользовался и общественностью характеризовался так: «Губернский комиссар Иньков – человек, безусловно, старой бюрократической школы, чуждый всяким демократическим убеждениям, а потому не мог встать на тот революционный путь, на который встал Комитет» [17, с. 49]. В Пензе 5 марта 1917 г. на заседании Бюро исполнительного комитета губернским комиссаром был назначен В.А. Герман, но он в этой должности пробыл менее суток, так как согласно телеграмме князя Львова к исполнению обязанностей губернского комиссара приступил князь Л.Н. Кугушев, председатель губернской земской управы [8, л. 5]. Возражать против такого решения местная либеральная общественность не стала. Напротив, в Саратове Общественный городской исполнительный комитет отстоял своего выдвигенца – народного социалиста Н.И. Семенова, на которого также 5 марта 1917 г. возложил обязанности губернского комиссара [26, с. 89]. ОГИК недвусмысленно дал понять центральному руководству, что, если оно рассчитывает получить поддержку на местах, то «желательно, чтобы Временное правительство производило из центра назначения представителей новой власти в тех исключительных случаях и до того момента, пока в данной местности не сложились местные выборные общественные комитеты» [2, с. 90]. В этой ситуации председатель губернской земской управы К.Н. Grimm вынужден был даже не приступать к исполнению обязанностей губернского комиссара. Там, где организованность и инициативность общественно-политических сил были по разным причинам слабыми, на постах губернских комиссаров Временного правительства оказывались лица, соответствовавшие установке, данной центром.

При назначении уездных комиссаров новая губернская власть стремилась в точности следовать указаниями Временного правительства. Однако и в этом случае приходилось счи-

таться с местным раскладом сил, потому что именно председатели земских управ в глазах населения олицетворяли собой прежнюю систему управления в уездах и кое-кто из них категорически не устраивал местную либеральную общественность. Поэтому в отдельных случаях уездными комиссарами становились заместители председателей либо члены уездных земских управ. Временное правительство под давлением снизу утверждало заменяемых комиссаров. Не соглашаясь с предложениями о выборности этих должностных лиц, оно вынуждено было тем не менее идти навстречу волеизъявлениям общественности. В разосланном на места в начале мая 1917 г. циркуляре МВД указывалось, что, так как комиссар представляет правительство, то он назначается им по соглашению с комитетами общественных организаций и в своей деятельности опирается на их поддержку. Самые инициативные общественные комитеты даже разработали собственные инструкции по формированию власти на уездном уровне и стали действовать в соответствии с ними. В определенной степени правовую базу для этого открывали решения I Поволжского областного съезда исполнительных комитетов, прошедшего в конце мая 1917 г. и принявшего резолюцию «О комиссарах» [31, л. 349].

Вместе с тем введение института губернских и уездных комиссаров, назначаемых сверху, по существу означало, что Временное правительство не захотело, чтобы его структуры в провинции официально делились административную власть с общественными организациями. Ограничивая возможности комитетов, оно создавало условия для потери контроля за процессом развития революции на местах и использования общественных организаций для консолидации всех демократических сил.

Еще более сложным и противоречивым оказался после Февраля 1917 г. процесс конструирования власти в сельской местности. В деревне общественно-политические объединения представляли земские службы, различные крестьянские комитеты (исполнительные, земельные, продовольственные), организации «Крестьянского союза» и «Союза земельных собственников», кооперативы, церковные приходы и сектантские общины. В ходе

революции как мирская организация крестьянства возродилась община, в значительной степени ставшая выполнять функции по налаживанию общественно-политической жизни в деревне. Одновременно произошло расширение состава сельского схода.

В марте 1917 г. по инициативе крестьян в поволжских губерниях повсеместно были образованы волостные и сельские исполнительные комитеты. В этой связи Временное правительство с целью инкорпорации волостных комитетов в систему местного управления обязало губернских комиссаров наладить контроль за их деятельностью со стороны уездных комиссаров [27, с. 47]. Но региональной администрации так и не удалось создать стройную систему соподчинения органов местной власти: по существу, низовые комитеты на селе проводили не правительственную, а крестьянскую политику.

Важное место в регулировании взаимоотношений органов самоуправления и других общественных организаций с местной администрацией Временного правительства в Поволжье сыграли губернские и уездные Крестьянские съезды, созываемые с весны 1917 года. Являясь наиболее массовыми общественными объединениями, они определяли широкий круг норм жизни деревни, инициировали изменения социального и партийного состава органов управления. Признавая Временное правительство в качестве руководящего центра в стране, в вопросах местного управления крестьянские съезды практически с самого начала стали расходиться с ним при определении полномочий органов власти и самоуправления. Разразившийся в апреле 1917 г. первый политический кризис Временного правительства привел к тому, что в Поволжье на крестьянских и общесословных съездах и собраниях обозначилось стремление общественных сил взять под контроль деятельность местной администрации. В частности, проходившие в мае 1917 г. в Пензе и Самаре общесословные съезды, основу которых составили представители крестьянства, приняли резолюции о смещении губернских комиссаров первого призыва из председателей губернских земских управ и замене их видными местными общественными деятелями, эсерами по партийной принадлежности. В Казани и Симбирске работавшие с марта 1917 г. губернские комис-

сары, хотя и сохранили за собой посты, но в полной мере уже не контролировали ситуацию на вверенных им территориях.

Перипетии процесса демократизация местного самоуправления

В течение всего 1917 г. либеральные силы большие надежды возлагали на успешное проведение местной реформы, которая должна была, по их мнению, объединить интересы общества и государства. Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г. провозглашала изменение системы местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права как важнейшее преобразование государственного строя. Для предотвращения местной самодеятельности в этом деле правительство 23 марта 1917 г. создает Особое совещание во главе с товарищем министра внутренних дел С.М. Леонтьевым, в работе которого приняли участие известные деятели земского и городского общественно-управления, видные ученые [5, с. 111]. Однако реформаторская деятельность центра практически изначально не соответствовала представлениям широких слоев населения о путях изменения в организации власти и самоуправления на местах, способах их взаимодействия. Довольно быстро в общественном сознании утвердятся «культ народного избрания», убеждение в том, что при «новом праве воля народа... есть высший закон страны и над постановлением народоправства никакого контроля нет» [18, с. 40].

В этом плане процесс реформирования городского самоуправления на начальном этапе после Февраля 1917 г., безусловно, носил догоняющий характер. Городские думы, которые хотя и были инициаторами создания временных общественных комитетов для организации новой власти, самостоятельно не стремились пополнять свой состав демократическими элементами. Это лишало их преимуществ не только при формировании административных структур Временного правительства на местах, но и в конкурентной борьбе старых и новых органов самоуправления, что привело в поволжских городах к перемещению центра общественного представительства от дум к исполнительным комитетам.

В создавшихся условиях городские самоуправления Поволжья были вынуждены пойти на контакт с Советами. Распространенной практикой для дум, сначала в губернских, а затем в уездных городах, стало выделение квот представителям Советов. Содействие со стороны Советов, которые представляли интересы нецензового населения городов, старым органам самоуправления потребовалось прежде всего при выполнении новых функций, возникших после февральско-мартовского переворота. В частности, организация с помощью Советов весной 1917 г. в городах народной милиции позволила думам сосредоточить в своих руках охранные функции власти. Одновременно думы все чаще стали испытывать давление со стороны Советов при рассмотрении значимых для рабочих и средних слоев населения вопросов общедемократического характера.

Еще в большей степени в первые месяцы революции отставал от запросов времени процесс демократизации земских учреждений. Дело в том, что назначение комиссарами Временного правительства председателей губернских и уездных земских управ ложно воспринималось на местах как демонстрация корреляции структуры и состава земств с задачами предстоящих демократических преобразований. В действительности же земскую оппозицию при прежнем режиме представляли скорее служащие, чем гласные земств. В условиях революции, когда еще сильнее обострились старые противоречия между «баринном» и «мужиком», земство способно было сохранить свой образ радетеля общих «польз и нужд» лишь быстро обновив свой состав за счет демократических элементов. Запаздывание с этим грозило потерей влияния на крестьянство, что вскоре было осознано многими уездными земствами. Поэтому далеко не все они следовали предписаниям Временного правительства относительно разрешительного порядка переизбрания руководителей органов земского самоуправления. Одни председатели земских управ уходили со своих постов добровольно, другие – под давлением общественности. Следует отметить синхронность процесса пополнения новыми гласными уездных земских собраний и изменения состава земских управ, в том числе и избрания их председателей из числа нецензовых гласных.

Вслед за уездными земскими управами в течение апреля – начала июня 1917 г. происходила демократизация губернских земских исполнительных органов. В Поволжье ее формы зависели от степени активности действовавших в регионах общественных объединений. Наиболее радикально это происходило в Саратовской и Самарской губерниях, где пополнением состава губернских земских управ занимались весьма инициативные в тот период общественные исполнительные комитеты, сформированные по коалиционному принципу. Консервативные элементы из состава земских собраний и управ в этих губерниях вытеснялись также под давлением Советов. Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов не только стали иметь свое представительство в губернских земских собраниях, но и участвовали в деятельности земских комиссий. В составе земских органов указанных губерний преобладающее место заняли юристы, врачи, агрономы, учителя, земские служащие различных специальностей.

Временное правительство в ходе первого этапа демократизации земского самоуправления своими регламентирующими указаниями пыталось сдерживать инициативу местных общественно-политических объединений. Но на местах подобного рода правительственные циркуляры часто игнорировались. К противоположному результату, чем ожидали в Петрограде, приводили и угрозы закрыть кредиты нарушившим правила земствам. Вместе с тем Временное правительство своими ограничительными мерами в отношении земств, само того не желая, подрывало к ним «доверие широких слоев населения», на которое рассчитывало. Дело дошло до того, что многие крестьянские комитеты стали требовать полного удаления из уездных земских собраний цензовых гласных [6, с. 81].

Однако на положение земств в губерниях Поволжья в условиях революционной стихии влияли и другие, более глубокие причины. В регионе, где имелись давние традиции массового крестьянского движения «за землю и волю», достаточно быстро произошла радикализация низовых общественных организаций, которые и определяли главным образом изменения в системе власти и самоуправления в сельской местности. Местные административные струк-

туры в этой ситуации просто не были в состоянии реализовать тактику Временного правительства, заключающуюся в исключении поспешных преобразований, способных навредить делу революции. Их самих контролировали возникшие в ходе революции разного рода съезды, Советы, комитеты, общественные объединения. Все низовые крестьянские организации, независимо от степени развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве той или иной губернии Поволжья, жаждали «черного передела» и стремились для этого приспособить земства. Но выполнить радикальные требования крестьян по аграрному вопросу земства, даже демократизированные, не были способны. Они не могли ущемить интересы одних слоев общества ради других, хотя и составлявших большинство, поскольку стали теперь организациями общесословными.

Еще более осложнила положение старых органов местного самоуправления прошедшая летом 1917 г. муниципальная кампания, когда впервые в истории страны городские думы избирались на основе всеобщего, равного и тайного голосования. Эти выборы все политические силы, действовавшие в регионе, использовали для расширения своей социальной базы в борьбе за власть. В результате новые городские думы, раздираемые политическими распряями, оказались не в состоянии функционировать даже в сфере своей традиционной деятельности. Практические вопросы управления городским хозяйством и жизни населения для демократически избранных гласных, большинство которых составляли эсеры и меньшевики, отошли на последний план. Их больше интересовали события политической жизни страны, они постоянно протестовали и выступали с демаршами относительно тех или иных действий власти. Не случайно, что вскоре Временное правительство отказалось от своих прежних намерений наделить думы после выборов властными полномочиями на местах.

Организационную беспомощность демонстрировали в это время и новые властные и политические институты, возникших в ходе революции. Показательны в этом плане были результаты работы проходившего 4-9 августа 1917 г. Всероссийского съезда губернских комиссаров, который так и не сумел принять согласованного решения о принципах государ-

ственного строительства. Только 18 августа проект положения о комиссарах стал предметом обсуждения общего заседания Совещания по реформе местного самоуправления [3], а 19 сентября его утвердили в качестве закона [28]. Но его наличие уже никак не могло стабилизировать обстановку на местах, поскольку к осени 1917 г. резко упало влияние не только комиссаров Временного правительства, но и общественных исполнительных комитетов. Выработанный ими в предшествующий период согласовательный порядок принятия решений по жизненно важным местным проблемам оказался неэффективным в условиях нарастания кризиса доверия в целом к системе власти.

В этой ситуации большевики, отвергавшие все предложения «революционной демократии» объединить усилия для предотвращения кризиса власти, составили действенную оппозицию Временному правительству и всем сотрудничавшим с ним политическим силам, а их лозунг «Вся власть Советам» получил реальный шанс для реализации на практике. Борцов за государство-коммуну вовсе не смущало то обстоятельство, что Советы, которые избирались отдельно от рабочих, солдат и крестьян, были далеко от образцов «чистой» демократии. В.И. Ленин нацеливал партию большевиков через Советы «взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй» [20, с. 26]. Парadoxально, но в народном сознании Советы в большей степени отвечали принципам традиционного демократизма, нежели формы западного парламентаризма.

Кризис местной администрации и провозглашение советской власти

Успеху большевиков в борьбе за власть во многом способствовало изменение во время корниловского мятежа приоритетов в деятельности Советов, в которой на первый план выдвинулись военно-политические функции, что привело в дальнейшем к их доминированию на местах в этой области. Губернские комиссары даже были вынуждены просить местные Советы об оказании им помощи в пресечении погромов. Большое значение имело также создание опорных пунктов для нового передела власти. Эту роль в регионе

сыграл III областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Поволжья, который прошел в Саратове 15–16 октября 1917 года. Съезд скоординировал действия поволжских советов и большинством голосов принял предложенную большевиками резолюцию о передаче власти в руки Советов [12, с. 223].

Анализ ситуации, сложившейся в Поволжье осенью 1917 г., показывает, что здесь большевики имели достаточную социально-политическую базу для взятия власти лишь потенциально. Добиться большинства в Советах рабочих и солдатских депутатов ко времени Октябрьского восстания в Петрограде им удалось только в трех из пяти губернских центров региона: в Казани, Самаре и Саратове. Именно в этих городах советская власть была провозглашена вслед за Петроградом. Большевикам Казани, несмотря на серьезные позиции здесь движения за национальное самоопределение, все же удалось создать интернациональный блок для захвата власти, поскольку социальные противоречия были ведущей линией конфликта. Однако в Симбирске и Пензе сил, в достаточной степени способных отстаивать советскую власть, к осени 1917 г. не сложилось. Только через полтора-два месяца в этих губернских центрах большевикам удалось сформировать такие составы Советов, которые пошли на провозглашение советской власти.

Первоначально большевики предполагали осуществлять сотрудничество между властью в лице Советов и органами местного самоуправления. Самарские большевики, например, объясняя свои действия, 28 октября 1917 г. заявляли: «...ближайшей задачей новой власти должно быть содействие местным самоуправлениям, а не нелепой басне о том, что как только власть перейдет к Советам, большевики начнут “выступать”, “громить”, “захватывать”...» [24]. Изменению позиций большевиков по отношению к органам местного самоуправления способствовало разное по накалу, но практически повсеместное противоборство дум и земств, через которые эсеры пытались пресечь властную экспансию Советов. Организуя сопротивление силам Советов, органы самоуправления надеялись получить властные полномочия от Учредительного собрания. Саратовская городская дума пошла даже на

острый вооруженный конфликт с Советом рабочих и солдатских депутатов, что привело к ее роспуску в числе первых в стране.

Не удалось в октябре – ноябре 1917 г. сформировать в Поволжье, как в некоторых других окраинных и центральных губерниях России, коалиционные советско-земско-думские органы власти, умеренно-социалистические по своей политической ориентации [4, с. 178]. Такая коалиция в регионе была возможна в первую очередь в тех губерниях, где для большевиков сложилась неблагоприятная расстановка политических сил, – Симбирской и Пензенской. Но из-за непримиримости руководства местных умеренных социалистов, не желавших перехода власти к Советам даже на коалиционной основе и стремившихся сохранить административные органы Временного правительства до Учредительного собрания, антибольшевистская коалиция дум, земств и Советов не удалась. Большевики же в конечном итоге смогли склонить на свою сторону сначала Советы рабочих и солдатских депутатов, а затем расколоть Советы крестьянских депутатов.

Как известно, распространению власти Советов, когда главным требованием в революции являлся уравнительный передел земли, способствовало создание блока большевиков и левых эсеров, который возник на Чрезвычайном и II Всероссийском съездах крестьянских депутатов. Не поколебала этот союз и политическая борьба, развернувшаяся вокруг вопроса созыва, работы и роспуска Учредительного собрания. В Поволжье мы видим, что многие крестьянские съезды обуславливали свою поддержку Учредительного собрания признанием советской власти, ее первых декретов, «осуществлением и закреплением уже завоеванных позиций». Более требовательными в данном отношении были уездные съезды. Так, делегаты IV Инсарского уездного съезда Пензенской губернии потребовали от Учредительного собрания разрешения вопросов о мире, земле и рабочем контроле. Они сочли необходимым «обновление его состава посредством перевыборов в отдельных избирательных округах под руководством местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Всякую попытку Учредительного собрания вступить в борьбу с

Советами» заключили «считать посягательством на завоевание революции и решительно этому противодействовать» [9, л. 33]. Состоявшийся 28 декабря 1917 г. Сенгилеевский уездный крестьянский съезд Симбирской губернии потребовал «немедленного ареста тех членов Учредительного собрания, которые попали в него только благодаря неграмотности народа» и наказал «строго следить за его работой» [10, л. 3].

Показательно, что в Поволжье тактика большевиков в отношении Учредительного собрания была одобрена на всех губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в то время. В.И. Ленин впоследствии констатировал: «В России в сентябре – ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента» [21, с. 43]. Действительно, крестьянские съезды, которые в начале условно поддерживали Учредительное собрание, потом без всякого сожаления одобрили его роспуск большевиками. Советские историки видели в этом успех агитационно-пропагандистской работы большевистской партии в деревне [7, с. 281; 13, с. 348; 23, с. 829; 29, с. 350], политики-эмигранты первой волны – коллективное помрачение массового сознания [11, с. 177], современные исследователи нередко связывают такое поведение представителей крестьянских масс с победой традиционализма над модернизацией по западному образцу [1, с. 183; 19, с. 57; 22, с. 159; 25, с. 224]. По всей видимости, эволюция отношения большинства социума к Учредительному собранию объясняется всей совокупностью указанных причин, что требует дальнейшего специального исследования.

Объединение Советов, которое произошло на III Всероссийском съезде, привело к созданию единообразной системы советской власти и юридическому оформлению новой формы российской государственности. В этой связи важно обратить внимание на то обстоятельство, что на местах данный процесс в ряде случаев опережал центр. Так, в поволжских Казанской, Саратовской и Пензенской губерниях объединение Советов произошло в ходе установления советской власти еще до III Все-

российского крестьянского съезда, а в Самарской и Симбирской губерниях – на основе его решений в январе 1918 г. [14, с. 90–96]. Слияние Советов, как правило, осуществлялось на губернских и уездных крестьянских съездах, к открытию которых собирались и съезды Советов рабочих и солдатских депутатов. Создаваемым на объединенных заседаниях съездов совместным исполнительным комитетам предстояло выполнять директивы ВЦИК Советов о «коренной ломке старых буржуазно-бюрократических учреждений, полном разрыве с буржуазией и беспощадной борьбе с капитализмом до полного его уничтожения».

Добившись власти через Советы, большевики постарались достаточно быстро устранить конкуренцию со стороны демократических органов самоуправления. Унификация власти происходила на соответствующей территории по решению губернских и уездных съездов Советов или их исполкомов. На основе постановления III Всероссийского съезда Советов на местах были упразднены земельные комитеты и сельскохозяйственные отделы земств и заменены отделами народного сельского хозяйства при Советах. Подобного рода реорганизации в конечном итоге вели к ликвидации в целом земств и потере их опыта в осуществлении сельского самоуправления [5, с. 234]. Такая же судьба постигла и городские думы, функции которых переходили к советским органам управления. В Саратове уже с 28 ноября 1917 г. вместо управы стал действовать Совет городских комиссаров. 14 января 1918 г. Самарский губисполком принял «Декрет о власти в губернии», в соответствии с которым Совет становился единственной властью, а все органы городского и земского самоуправления были распущены. Все функции упразднявшейся городской управы губернского центра передавались вновь организованному Самарскому совнархозу [16, с. 11]. В тех городах, где земства и думы стали сопротивляться актам насилия, они оперативно разгонялись формированиями вооруженных красногвардейцев.

Поволжский регион явился одним из ярких образцов трансформации институциональ-

ной структуры российской государственности в условиях системного кризиса 1917 г., которая происходила под давлением революционных сил и последовательно прошла стадии от демократии через охлократию к диктатуре, выветив тем самым синкретическую модель общественного устройства. Как оказалось, властная система, складывавшаяся после февральско-мартовского переворота, не соответствовала архаичным представлениям большинства социума, но вызвала мощную инверсионную волну, приведшую страну к национальной катастрофе. Все попытки либеральных и умеренно-революционных сил внедрить демократические принципы общественного устройства, присущие западным странам, оказались неэффективными в первую очередь в провинции, где традиционные устои были более крепкими. Большевикам для выхода из революционного кризиса удалось приспособить Советы, которые еще в меньшей степени были способны осуществлять функции государственного управления, но демонстрировавшие образ прямого народовластия. Впоследствии все местные инициативные объединения были постепенно ликвидированы, а советская система власти была унифицирована с целью строительства государства «диктатуры пролетариата».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РФФИ научного проекта № 15-33-12009.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М. : РОССПЭН, 1997. – 376 с.
2. Васькин, В. В. Февральская революция в Нижнем Поволжье / В. В. Васькин, Г. А. Герасименко. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 221 с.
3. Вестник Временного правительства. – 1917. – 8 сент.
4. Вронский, О. Г. Большевицкий режим и крестьянство России в 1917–1920 гг. / О. Г. Вронский, Э. М. Щагин // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – М. : МПГУ им. В. И. Ленина, 1994. – С. 169–180.
5. Герасименко, Г. А. Земское самоуправление в России / Г. А. Герасименко. – М. : Владос, 1990. – 285 с.
6. Герасименко, Г. А. Народ и власть / Г. А. Герасименко. – М. : Воскресенье, 1995. – 288 с.
7. Городецкий, Е. Н. Рождение советского государства, 1917–1918 / Е. Н. Городецкий. – М. : Наука, 1987. – 351 с.
8. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 11. Протоколы заседания Бюро [Пензенского] губернского исполнительного комитета. Заседание 6 марта 1917 г.
9. ГАПО. – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 13. Протокол заседания IV Инсарского уездного крестьянского съезда 8 и 9 января 1918 г. Резолюция съезда.
10. Государственный архив Ульяновской области. – Ф. 46. – Оп. 10. – Д. 221. Протокол заседания Сенгелевского крестьянского съезда 28 декабря 1917 г.
11. Деникин, А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии, Февраль – сентябрь 1917 г. / А. И. Деникин. – М. : Наука, 1991. – 520 с.
12. Захаров, Н. С. Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата / Н. С. Захаров. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 278 с.
13. Знаменский, О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения / О. Н. Знаменский. – Л. : Наука, 1976. – 363 с.
14. Кабытова, Н. Н. Роль крестьянских съездов в объединении советов рабочих и солдатских депутатов с советами крестьянских депутатов / Н. Н. Кабытова // Великий Октябрь и гражданская война в Поволжье. – Куйбышев : Изд-во Куйбыш ун-та, 1986. – С. 90–96.
15. Кабытова, Н. Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года / Н. Н. Кабытова. – Самара : Самар. ун-т, 2002. – 324 с.
16. Кабытова, Н. Н. В огне гражданской войны / Н. Н. Кабытова, П. С. Кабытов. – Самара : Самар. ун-т, 1997. – 92 с.
17. Климушкин, П. Д. История Комитета Народной власти второго периода / П. Д. Климушкин // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. – Самара, 1918. – С. 49–73.
18. Красный архив. – М., 1926. – Т. 2. – С. 40.
19. Красильников, В. А. Вдгонку за прошедшим веком / В. А. Красильников. – М. : РОССПЭН, 1998. – 148 с.
20. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 33 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1973. – С. 1–120.
21. Ленин, В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 41 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1973. – С. 1–104.
22. Леонов, С. В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. / С. В. Леонов. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – 356 с.

23. Минц, И. И. История Великого Октября / И. И. Минц. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 3. – 899 с.
24. Приволжская правда. – Самара. – 1917. – 28 окт.
25. Протасов, Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание : История рождения и гибели / Л. Г. Протасов. – М. : РОССПЭН, 1997. – 368 с.
26. Рейли, Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове / Д. Дж. Рейли. – Саратов : Слово, 1995. – 400 с.
27. Седов, А. В. Февральская революция в деревне / А. В. Седов. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. госун-та, 1997. – 229 с.
28. Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. – 1917. – № 264. – Ст. 1749.
29. Трапезников, С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос / С. П. Трапезников. – М. : Мысль, 1967. – Т. 1. – 566 с.
30. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). – Ф. 813. – Оп. 1. – Д. 21. Протоколы заседания Самарского губернского комитета народной власти. Заседание 4 марта 1917 г.
31. ЦГАСО. – Ф. 820. – Оп. 1. – Д. 5. Резолюция «О комиссарах» I Поволжского областного съезда исполнительных комитетов.

REFERENCES

1. Buldakov V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red Troubles. Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 376 p.
2. Vaskin V.V., Gerasimenko G.A. *Fevralskaya revolyutsiya v Nizhnem Povolzhye* [The February Revolution in the Lower Volga Region]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1976. 221 p.
3. *Vestnik Vremennogo pravitelstva* [Bulletin of the Provisional Government], 1917, September 8.
4. Vronskiy O.G., Shchagin E.M. *Bolshevistskiy rezhim i krestyanstvo Rossii v 1917-1920 gg.* [The Bolshevik Regime and the Peasantry of Russia in 1917-1920]. *Vlast i obshchestvennye organizatsii Rossii v pervoy treti XX stoletiya* [Power and Public Organizations of Russia in the First Third of the Twentieth Century]. Moscow, MPGU im. V.I. Lenina, 1994, pp. 169-180.
5. Gerasimenko G.A. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii* [Zemstvo Self-Government in Russia]. Moscow, Vldos Publ., 1990. 285 p.
6. Gerasimenko G.A. *Narod i vlast* [People and Power]. Moscow, Voskresenye Publ., 1995. 288 p.
7. Gorodetskiy E.N. *Rozhdenie sovetskogo gosudarstva. 1917-1918* [The Birth of the Soviet State. 1917-1918.]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 351 p.
8. *Protokoly zasedaniya Byuro [Penzenskogo] gubernskogo ispolnitelnogo komiteta. Zasedanie*

- 6 marta 1917 g. [The Minutes of the Session of the Bureau [Penza] of Provincial Executive Committee. Session of March 6, 1917]. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti* [The State Archive of the Penza Region], F. 206, Op. 1, D. 11.
9. *Protokol zasedaniya IV Insarskogo uezdnogo krestyanskogo syezda 8 i 9 yanvarya 1918 g. Rezolyutsiya syezda* [The Minutes of the Session of IV Insar County Peasant Congress on January 8-9, 1918. Resolution of the Congress]. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti* [The State Archive of the Penza Region], F. 206, Op. 1, D. 13.
10. *Protokol zasedaniya Sengeleevskogo krestyanskogo syezda 28 dekabrya 1917 g.* [The Minutes of the Session of Sengileevsk Peasant Congress on December 28, 1917]. *Gosudarstvennyy arkhiv Ulyanovskoy oblasti* [The State Archives of the Ulyanovsk Region], F. 46, Op. 10, D. 221.
11. Denikin A.I. *Ocherki russkoy smuty. T. 1. Krushenie vlasti i armii. Fevral – sentyabr 1917 g.* [Essays on the Russian Troubles. Vol. 1. The Collapse of Power and the Army. February - September 1917]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 520 p.
12. Zakharov N.S. *Sovety Srednego Povolzhya v period borby za diktaturu proletariata* [Councils of the Middle Volga Region during the Struggle for the Dictatorship of the Proletariat]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, 1977. 278 p.
13. Znamenskiy O.N. *Vserossiyskoe Uchreditelnoe sobranie. Istoriya sozyva i politicheskogo krusheniya* [All-Russian Constituent Assembly. The History of Convocation and Political Ruin]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 363 p.
14. Kabytova N.N. *Rol krestyanskikh syezdov v obyedinenii sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov s sovetami krestyanskikh deputatov* [The Role of Peasant Congresses in the Unification of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies with the Soviets of Peasants' Deputies]. *Velikiy Oktyabr i grazhdanskaya vojna v Povolzhye* [Great October and Civil War in the Volga Region]. Kuybyshev, Izd-vo Kuybysh un-ta, 1986, pp. 90-96.
15. Kabytova N.N. *Vlast i obshchestvo rossiysskoy provintsii v revolyutsii 1917 goda* [Power and Society of the Russian Province in the Revolution of 1917]. Samara, Samarskiy universitet Publ., 2002. 324 p.
16. Kabytova N.N., Kabytov P.S. *V ogne grazhdanskoy voyny* [In the Fire of Civil War]. Samara, Samara University Publ., 1997. 92 p.
17. Klimushkin P.D. *Istoriya Komiteta Narodnoy vlasti vtorogo perioda* [History of the Committee of People's Power of the Second Period]. *Revolutsiya 1917-1918 gg. v Samarskoy gubernii* [The Revolution of 1917-1918 in the Samara Province]. Samara, 1918, pp. 49-73.

18. *Krasnyy arkhiv* [Red Archive]. Moscow, 1926, vol. 2.
19. Krasilnikov V.A. *Vdgonku za proshedshim vekom* [After the Last Century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 148 p.
20. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya [State and Revolution]. *Polnoe sobranie sochineniy. V 55 t. T. 33.* [Complete Works. in 55 vols. Vol. 33]. Moscow, Politizdat Publ., 1973, pp. 1-120.
21. Lenin V.I. Detskaya bolezn levizny v kommunizme [Infantile Disease of Leftism in Communism]. *Polnoe sobranie sochineniy. V 55 t. T. 41.* [Complete Works. In 55 vols. Vol. 41]. Moscow, Politizdat Publ., 1973, pp. 1-104.
22. Leonov S.V. *Rozhdenie sovetской imperii: gosudarstvo i ideologiya 1917–1922 gg.* [The Birth of the Soviet Empire: State and Ideology of 1917–1922]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1997. 356 p.
23. Mints I.I. *Istoriya Velikogo Oktyabrya* [The History of the Great October Revolution]. Moscow, Politizdat Publ, 1977, vol. 3. 899 p.
24. *Privolzhskaya pravda* [Privolzhskaya Truth]. Samara, October 28, 1917.
25. Protasov L.G. *Vserossiyskoe Uchreditelnoe sobranie: Istoriya rozhdeniya i gibeli* [All-Russian Constituent Assembly: History of Birth and Death]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 368 p.
26. Reyli D.Dzh. *Politicheskie sudby rossiyskoy gubernii: 1917 god v Saratove* [Political Destinies of the Russian Province: 1917 in Saratov]. Saratov, Slovo Publ., 1995. 400 p.
27. Sedov A.V. *Fevralskaya revolyutsiya v derevne* [The February Revolution in the Village]. Nizhny Novgorod, Izd-vo Nizhegor. gos. un-ta, 1997. 229 p.
28. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy Vremennogo pravitelstva* [Collection of Legal Acts and Orders of the Provisional Government], 1917, no. 264, art. 1749.
29. Trapeznikov S.P. *Leninizm i agrarno-krestyanskiy vopros* [Leninism and the Agrarian and Peasant Issue]. Moscow, Mysl Publ., 1967, vol. 1. 566 p.
30. Protokoly zasedaniya Samarskogo gubernskogo komiteta narodnoy vlasti. Zasedanie 4 marta 1917 g. [The minutes of the meeting of the Samara provincial Committee of the people's power. Meeting of March 4, 1917]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti* [The Central State Archive of the Samara Region], F. 813, Op. 1, D. 21.
31. Rezolyutsiya «O komissarakh» I Povolzhskogo oblastnogo syezda ispolnitelnykh komitetov [The Resolution “On Commissioners” of the 1st Volga Regional Congress of Executive Committees]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti* [The Central State Archive of the Samara Region], F. 820, Op. 1, D. 5.

Information about the Authors

Viktor N. Danilov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of Russian History and Historiography, Saratov State University, Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation, danilovvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>

Nadezhda N. Kabytova, Doctor of Sciences (History), Professor, Professor, Department of Russian History, Samara State University, Pavlova St., 1, 443011 Samara, Russian Federation, history@ssu.samara.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9411-8429>

Информация об авторах

Виктор Николаевич Данилов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский государственный университет, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, danilovvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>

Надежда Николаевна Кабытова, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Российской истории, Самарский государственный университет, ул. Ак. Павлова, 1, 443011 г. Самара, Российская Федерация, history@ssu.samara.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9411-8429>